

Гера Фотич

Поддонок

повесть одного дня

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ
ФРАГМЕНТ

Скифия
Санкт-Петербург
2011

УДК 82-31

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

Гера Фотич Подонок

повесть и рассказы

Фотич Г.

Ф74 Подонок. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2011. — 256 с.

...если вдруг однокашники или друзья остались внизу, за кормой твоего корабля. Это совсем не значит, что ты был самым лучшим, умным и более удачливым. Просто они отдали тебе свои мысли, свою любовь и свои надежды.

Постарайся быть благодарным всем им за то, что они были рядом. Потому что ни у кого из них не спрашивали разрешения, отнимая их мечту, чтобы передать шанс тебе...

УДК 82.31

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

ISBN 978-5-903463-54-1

© Гера Фотич, 2011

© ИТД «Скифия», 2011

Все события и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны. Если что-то покажется знакомым или вы кого-то узнаете в героях романа, значит, моя цель достигнута — образ ожил!

Все отзывы можно оставить на сайте автора:

www.GeraFotich.ru

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ГЛАВА 1. Жертва

Вас часто называют подонком? Нет?

А я уже привык... Для меня это так, невзрачное обыденное словечко, вылетающее из уст человека в момент его полной беспомощности, парализованной воли. Когда уже нет иного бесконтактного способа для выражения своего негодования, заполнившего все внутренности и раздувающегося изнутри, словно туда бросили карбид.

Как результат неспособности и неумения регулировать непредвиденные ситуации, повергающие его мозг в коллапс.

Что значит это произнесенное сочетание нескольких согласных и гласных букв по сравнению с теми переживаниями, которые испытывает индивидуум, произносящий их? В такой момент я наблюдаю перед собой бурю, похожую на свеклу, физиономию, дрожащие слюнявые губы, выпученные глаза, готовые прорвать сдерживающие их веки.

Словно я приоткрыл крышку кастрюли с наваристым кипящим борщом, где все клокочет, бурлит и ухает, будто в преисподней. Бывает, даже брызнет капельюшкой и обожжет. Но так... примитивно и жалостливо!

Вот и сейчас владелец шикарного глазастого мерседеса, черной дырой стоящего на фоне снежного сугроба, пытается прокричать это слово через окно моей надежной водительской двери, за которой я уверенно сижу в четырехтонном грузовике.

А на чем, по-вашему, должен ездить настоящий подонок? На жигулях? Вот то-то же!

Об этом и кричит жирная физиономия, что, мол, я, подонок, специально забрался так высоко.

Ну а если это действительно так. Какое ему дело, на чем я езжу? Только если я чувствую себя независимым и могу здраво рассуждать — я настоящий. Разве можно, следуя на легковушке, быть спокойным? Когда тебя прижимают со всех сторон и норовят столкнуть на обочину. Кто тебя заметит, пока не попадешь под колеса!

Его счастье, что он ездит аккуратно. Видимо учился вождению в автошколе, а не купил права, как большинство участников движения, с которыми я имею дело. Обычно заезжаю вперед — рраз... по тормозам. И птичка в клетке! Можно и на повороте зацепить, но предварительно перестроиться в правый ряд.

Чтобы зарабатывать на жизнь, машине пришлось сделать недорогой тюнинг: декорировать кузов сзади, опустив его так низко, чтобы даже спортивная Хонда смогла въехать прямо в отражатели, повесить со всех сторон разноцветные катафоты, усилить стопы и поворотники. Мало того у меня сзади стоит видеокамера, которая когда-то работала, но мне ее повесили как муляж для завышения ценника при получении страховки.

До страховки дело, как правило, не доходит. Чайники с купленными правами не любят светиться. Дав мне сотку или две баксов, сматываются. А я продолжаю охоту. В свете фар ночью моя машина сзади напоминает новогоднюю елку, поэтому я работаю только днем.

... Похоже, толстяк начал вопить, еще не видя, кто сидит за рулем, ненавидя просто то, что сделали с его авто — видать, он его очень любит. Теперь, глядя в мою кабину, он возненавидел меня и мое лицо. Еще бы.

Я представляю, как он по утрам смотрится в зеркало, пытаюсь раскрыть заплывшие кроличьи глазки. Скоблит свое свинячье лицо одноразовыми лезвиями, вспоминая, как оно выглядело в юности. Теперь он может любоваться на мой волевой подбородок, голубые глаза, надменную улыбочку, обнажающую крепкие белые зубы. Это его еще больше заводит.

Я чувствую, как постепенно отдаюсь его безудержной ненависти, купаюсь в ней. Словно погружаюсь в горячую наполненную голубой водой ванную — мне это знакомо. Он не первый кто доставляет мне удовольствие. Блаженные мурашки возбуждения бегут по всему телу, щекочут нервы и впрыскивают адреналин в кровь.

Девушки говорят, что я похож на Кена, правда, повзрослевшего — стараюсь их не разочаровывать. Хотя эта безмозглая пластиковая кукла стоящая в обнимку с Барби не вызывает у меня интереса.

Времена сменились и лет десять назад этот... Как его назвать? Гражданин? Товарищ? Земляк?

Позвонил бы по телефону, и прилетела бригада патологических уродов на черных бумерах. Отобрали машину, а меня — в лес, расписку писать. Там бы они позабавились!

Но время ушло! Теперь есть ОСАГО! Спасение и гарантия неприкосновенности подонков типа меня. Наконец-то меня стало охранять государство! Государство, защищающее подонков, — где это видано? Смешно! Просто блокбастер какой-то. Похоже на «Город грехов» Тарантино.

...Теперь толстяк начинает орать белугой, словно хочет своим пронзительным криком выкинуть меня из машины и заставить ползать на коленках вокруг его огромной туши, укутанной в норковую шубу...

Бедные зверьки!

Сколько их понадобилось: двадцать — пятьдесят? Быть может, они всей семьей наблюдают с облаков, как их профессионально выделанные шкурки согревают это жирное обрюзгшее тело, спешащее на важную встречу, заставляя его потеть при любом внезапном волнении и переживании.

Прыгают неуволимо и неслышно по невидимым потокам струящихся воздушных ветерков, перескакивают на завихрения кружащих снежинки вьюг, затаив глубоко внутри великое огорчение и разочарование о невыполненном долге, предписанном повелительницей мира, природой, — о дальнейшем продлении своего рода.

...Нехотя поворачиваюсь к окну, где, словно в цветном телевизионном экране, продолжает утаптывать снег жирный боров. Незатейливо и

дружелюбно, словно все его ругательства относятся не ко мне, спрашиваю:

— Может, вызвать ГАИ?

Вижу, как он резко вскидывает голову вверх, так что его кепка с меховой оторочкой сползает на затылок. Видать сильно торопится по своим делам. Знает, что милиционеры раньше чем через пару часов не приедут. А позади уже собирается пробка, и народ начинает гудеть. Я привычный, а ему, конечно, несолидно на виду у всех кружить вокруг грузовика.

Наверно, у него закончились слова. Начинает сильно махать пухлыми руками. Рукавом шубы задевает снег на правом переднем крыле моей автомашины и тот падает на неубранную мостовую. Я не возражаю. Пусть он хоть всю машину почистит от утренней наледи. В такие морозы прилипшая снежная корка становится дополнительной защитой для кузова, и я ее не стряхиваю. Протираю стекла, да и все.

... Дам ему время успокоится — делаю музыку громче.

Это — «Квин». Моя любовь! Особенно композиция «Мама».

Из всей песни я могу понять только это слово, которое лучиком пробивает дорогу к моей душе среди нагромождений чуждых мне интонаций. Хотя звучит оно с иностранным акцентом и поэтому совершенно не кажется мне родным. Тем, что я когда-то в первом классе прочитал в букваре и, глядя на рисунок, мысленно, с помощью учителя, осознал, что оно означает. Этот рисунок я помню до сих пор:

«Мама мыла раму»....

Маленькая женщина в красной юбке и синей блузке, стоя на подоконнике, отчаянно машет по окну тряпкой, смывая осевшую городскую пыль. И почему — «раму», если она трет стекло? Вот так с детства нас учат воспринимать не совсем правильно, казалось бы, простейшие, реально существующие, вещи.

У нее есть ребенок, и это совсем не я. Отчего становится грустно, потому что женщина на рисунке старается для какого-то другого малыша, а я должен называть ее «мамой»...

Но потому как протяжно и сладко это слово произносится в песне, как вокруг него собираются все остальные многоликие, тянущие за душу, непонятные мне звуки, окутывая его едва уловимым туманом, я постепенно отгораживаюсь вместе с ним от всего вокруг и замираю. Мою расслабленную субстанцию упрямо затягивает внутрь некой потусторонности, где можно протянуть руку и почувствовать родное тепло в незнакомой таинственной глубине, хранящей нечто близкое и ностальгическое. То, что хотелось ощутить с тех пор, как матери не стало.

Но в последний момент становится стыдно за ощущение ложного чувства собственной слабости и беспомощности, которые кто-то может подглядеть со стороны. И посмеяться надо мной.

Даже теперь, после стольких лет самоутверждения и убеждения себя в независимой самостоятельности, становится страшно, что растворив свое сознание в мелодичном звучании этого слова, я не смогу вернуться в первоначальное состояние, навечно застряну где-то посреди ми-

рождения. Маленькой взвешенной частичкой все-ленской гармонии, подхваченной глобальными мировыми потоками циркулирующих чувств!

...Я бы мог сказать, что совершенно случайно задел этот зализанный мерседес правым бортом своей автомашины, но зачем мне это говорить? Для чего вообще открывать рот, если меня об этом не просят, если все знают за меня все, думают за меня и рассуждают.

Сначала мама. Затем преподаватели в школе.

И женщины, которых приводишь на одну или две ночи. Они всегда знают обо мне больше, чем я сам. Они расставляют на полочках в ванной комнате мои принадлежности гигиены. Развешивают на вешалки одежду в шкафу. Покупают мне одеколон и модную зубную щетку. Они расчесывают мне волосы, а затем укладывают в постель и нежно шепчут, прижимаясь и лаская, что мне сейчас будет хорошо. Откуда они это знают? Кто просветил их всех о сути моей жалкой природы, примитивной с самого детства.

Быть может, об этих шлюхах тоже кто-то знал больше их самих. И они послушно делали то, что им рекомендовалось чьим-то мнением? Продолжая этот указующий круговорот, они смотрели на меня, убеждая, что им со стороны виднее.

С какой стороны?

С какой стороны мы смотрим друг на друга, указывая и давая советы?

Не спрашивая...

Просто так....

Ради того, чтобы как-то подняться над таким же как ты?

Чтобы хоть чуточку добавить к тому, что получено им в наследство от родителей?

Хотим выглядеть творцами, несущими последний гениальный штрих, недостающий совершенству?

И как приятно не слышать советов и рекомендаций. А быть собой, каким ты есть. Не знать и не понимать чужих поучений. Даже если их мнения о тебе совпадают, наплевать на то, что они думают. Следовать своим путем.

...Ну, да! Зажегся зеленый. Я газанул. Как положено, зад машины понесло вправо и зацепило левую дверь легковушки надраенной с отливом.

Спросите, зачем газанул, если знал? Да я и сам себе не могу объяснить. Что-то внутри меня щелкнуло, ослепило, и я уже не мог контролировать свою правую ногу. У меня всегда так получается. Быть может я не очень уравновешенный? Так на собраниях в школе говорили моей маме.

А потом и мне. На философском факультете университета, где я обучался целых три года. Записывал в тетрадку, кто из студентов, когда и сколько заплатил денег за экзамен. Листки были аккуратно расчерчены на графы, и узнать, на сколько обогатился каждый из преподавателей, было вполне реально. Я снес эту тетрадку ментам.

Когда через неделю меня пригласили в отдел милиции, декан с ректором были уже там. Меня спросили, кого надо выгнать: весь педагогический состав или только меня. Я ответил, что «состав». Но почему-то поступили наоборот, и мне пришлось летом сдавать экзамены в другой вуз. Тетрадку в милиции потеряли, а жаль!

Я понял, что надо изучать психологию.

Решил не смотреть по сторонам и не слушать, как сдают сессии однокурсники. Я быстро понял, почему преподаватели требуют покупать написанные ими учебники, предлагают репетиторство отстающим, а на практику посылают в фирмы своих друзей и родственников, о чем не замедлил сообщить на общем профсоюзном собрании, защищем права студентов. Но, видимо, для этого им потребовалось в первую очередь избавиться от меня, и ближайшую сессию я не сдал.

Моя мать мечтала, чтобы я окончил университет и получил образование — извини!

Ее лицо, как сейчас, стоит передо мной: круглое, словно солнышко, с маленьким острым носиком и впалыми щеками.

«Солнышком» ее называли наши соседки старухи, улыбаясь на общей кухне и недовольно ворча в своей комнате, мечтая об отдельной квартире. Лицо матери всегда казалось мне немного вогнутым, нависающим надо мной, как немой вопрос. А я глядел на нее снизу вверх и не знал, что ответить.

Уже давно ей никто ничего не ответит кроме меня, и я все гадаю, перебираю в памяти то, что когда-то случалось со мной. Ищу ответ, хотя ее вопрос мог относиться совершенно не ко мне.

Теперь она слушает только меня, потому что кроме «подонка» никто не приходит к ее могиле, которая скоро сравняется с землей. Мне кажется, что так будет лучше.

Человек вообще не должен оставлять после себя какие-то неровности и шероховатости, тор-

чащие разрисованные каменные глыбы или воткнутые кресты. Откуда пришел — туда и вернись. Уйди из жизни, растворишься в природе, словно тебя и не было здесь. Не нарушай ее гармонию.

Когда я умру, то попрошу, чтобы меня сожгли. А пепел просто подбросили вверх, чтобы его подхватил порыв ветра и разнес по лугам, полям и озерам. Чтобы он растворился во всем. В воздухе, воде и земле. И может быть, кто-то вдохнет его, и я обрету новую жизнь, о которой гундосят продажные попы на протяжении столетий, призывая народ к смирению.

Тогда я точно смогу рассказать, есть ли жизнь после смерти. Но не уверен, что мне это будет нужно, а живым тем более.

Отец тоже не приходит на кладбище. Скорее всего, он и не знает, что мать умерла. Он и про меня-то ничего толком не знает теперь. Бросил семью, когда мне было лет десять. А сейчас мне тридцать пять. Значит ровно двадцать пять лет назад. А может, и не бросил. Откуда мне знать, что творилось в его голове и душе. Возможно, он искал спасения и обрел его в другом месте, где нет меня.

От него в моей комнате коммунальной квартиры остался только желтый двухколесный велосипед. Раньше у него было третье колесо. Но со временем оно стало мешать разгоняться, и мы его сняли. Отец научил меня держать равновесие. Пожалуй, это единственное, чему он меня научил. Но это не так уж мало.

Держать в жизни равновесие можно, только если ты двигаешься вперед. Это я понял из его уроков. Остановишься, и ничто не спасет тебя от падения. Но ведь и равновесие может быть раз-

ное. Клоун стоит на руках вверх тормашками, и весь мир кажется ему перевернутым. Наверно, есть клоуны, которым так стоять удобней.

Клоунов я не люблю.... Не тех, кто с картошкой на носу и шариками в руке развлекают детей в летних парках и скверах, появляются на аренах цирков.

Я о клоунах, одетых от Кардена и кутюр, которые заседая в кожаных креслах, делают вид, что налаживают жизнь. Чью?

Когда они успели завоевать такую популярность в нашей стране?

В средневековье ради смеха шутов выращивали в кривых горшках и, становясь взрослыми, своим уродством они смешили окружающих. Жизненная трагедия дарила им зоркость взгляда и остроту речи. К ним прислушивались.

Теперь калечат души, выращивая в извилистом сосуде безнравственности. Это становится заразным. Приобретая душевное уродство, они становятся компрачикосами — делая подобное из своих невинных детей.

Нам объясняют, что все это в порядке вещей, что цивилизация идет вперед, принося новые формы общения.

Взрослые часто так говорят!

Помните ту игру, когда дети под музыку ходят вокруг нескольких стульев и, как только музыка заканчивается, садятся на них. Тот, кому не хватило места, уходит со сцены.

Нам говорили, что выбывая, он проигрывает! Теперь я понимаю, что это не так — поскольку уходит он со стулом, дабы предоставить оставшимся продолжить соревнование. Значит, за победу бо-

руются не все, а только те двое, кто остаются последними бегать под музыку вокруг единственно оставшегося не занятого места. И лишь один из ребят должен уйти с пустыми руками!

От ощущения нечистоплотности становится грустно, и я периодически сижу на своем железном велике посреди комнаты. Маленькое неудобное седло до сих пор держит мою задницу в напряжении. Оно меня понимает и пытается залезть куда-то внутрь, словно тоже спасается от окружающей мерзости.

Педалей у велосипеда давно нет. Уже после ухода отца я скрутил их и выбросил на помойку, чтобы не смеялись друзья.

Когда все они катались на скейтах, я делал вид, что мне интересней на моем двухколесном чуде. Показушно, с ветерком катился под гору, сидя вытянув вперед длинные, в кровавых засохших блямбах и царапинах, побитые ноги, периодически касаясь пятками асфальта, поддерживая равновесие.

Я даже смог некоторых из своих друзей убедить в испытываемом восторге и поменяться инвентарем. После чего с наслаждением стоя на их доске, вращая бедрами, безуспешно пытался сдвинуться с места.

...Толстяк за окном немного успокоился. Так всегда бывает, когда человек начинает думать. Он очень торопится, и мне все равно куда. Потому что я не тороплюсь вовсе. Я еще долго буду кататься по городу и рассматривать водителей, едущих по своим делам, спешащих на работу, в семью или к друзьям на угощение. Я никуда не спешу. Меня

никто не ждет. Потому что я — подонок!

И когда эта толстая мразь презрительно протягивает мне сто долларов и сматывается, надеясь, что ситуация урегулирована, я беру деньги, а чуть позже вызываю ГАИ. Ведь я ничего ему не обещал. А то, что он обо мне подумал и на что надеялся — это просто его заплывшее жиром воображение. Как тех шлюх, которые представляли, что делают мне хорошо, похотливо улыбаясь, заученно терлись о мое нагое тело.

Мне на это наплевать. Потому, что это моя работа. Она меня кормит.

Ведь и ему было наплевать на то, что думала моя мать, бережно неся свой драгоценный ваучер выданный государством. Меня кусочек Родины, выделенной ей дорвавшимися к власти демократами, на пару синюшных замороженных цыплят для праздничного новогоднего стола...

ГЛАВА 2.

Страна фантазеров и токсикоманов

...Я продолжаю стоять на Заневском проспекте. До приезда сотрудников ГАИ и моего страховщика времени много. Можно просто посидеть. В такие минуты меня всегда одолевают воспоминания. Справа от меня огороженная забором стройка. Несколько лет назад на этом месте красовался известный кинотеатр «Охта» и не менее известный бородатый депутат по фамилии Риммер доказывал, что это единственный оставшийся оплот культуры в Красногвардейском районе Санкт-Петербурга доступный трудящимся.

Кого он подразумевал под «трудящимися»? Старух-соседок, которые регулярно продолжали голосовать за него, получая за свой голос разовый продовольственный поек. Или сектантов, которые собирались здесь по воскресеньям, пели песни, водили хороводы, а потом раздавали шприцы и презервативы пришлым наркоманам.

Теперь бабки голосуют еще и за его сына. Два пайка — сытнее! На заборе висит большой плакат о том, что здесь будет театр «Буфф». Может быть будет. Тогда я смогу ходить сюда пешком с какой-нибудь хорошенькой молодой девушкой и в антракте угощать ее шампанским или пивом.

Мы будем говорить о психологии. Это так модно теперь. Она будет мне рассказывать о трансерфинге, нейролингвистическом программировании и другой западной дребедени, которыми зачитывается современная молодежь, а я буду слушать и улыбаться. Думая, что русский

человек всегда был умен своей душой. Наверно отсюда и повелось наше гостеприимство. Стоит сесть за стол и выпить по стакану водки — сразу понимаешь, кто перед тобой сидит: друг или поддон типа меня. А те тесты и семинары по изучению рефлексов, пришедшие с Запада, где душа человека просчитана в математических формулах, поддонка вычислить не помогут — пусть попробуют!

Надеюсь, мне понравится бывать здесь, и я стану ближе к искусству. Пока про театр я знаю только то, что выучиться на артиста практически невозможно из-за большого конкурса. У всех, кто засветился на экране, уже подросли дети или племянники с племянницами.

Их толкают по проторенной дорожке, создавая творческую элитную республику со своими законами и правилами. Еще одно государство в государстве. Выпускают фильмы, которыми сами восхищаются, награждают друг друга аплодисментами, львами и тем, что подкинет руководство страны в обмен на идейно-нравственное забвение.

Но в этом году конкурс в театральные вузы упал. Великие очереди, как удавы, начинают душить институты, где готовят чиновников — там общественная соска ближе, молоко жирнее и кажется неиссякаемым.

Теперь наша страна, похоже, снова становится великой многонациональной державой. Но составляют ее уже совсем другие республики: чиновников, банкиров, силовиков, нефтяников, кинематографистов, нанотехнологов и... всех остальных — кто остались за бортом, которых

большинство. Эта последняя многочисленная республика, которая питает все остальные, скоро не сможет давать кровь.

Мой сосед Кузьма постоянно об этом намекает. Этот старый партизан уже давно пытается войти в доверие к матросам с «Авроры», чтобы произвести выстрел.

...Рядом со стройкой стоит отделение милиции. Мое родное. Не потому, что я там родился. Просто с самого детства там заботливо хранятся мои фотографии. Наверно, их собралось уже на целый альбом. Когда-то меня с пацанами доставляли туда почти через день: с чердаков, из подвалов, кооперативных ларьков и подсобок. Тут же справа от входа у покрашенной белой краской стены фотографировали, пополняя имеющееся портфолио. В профиль и анфас. Записывали в картотеку, указывая появившиеся приметы: новые наколки и шрамы. Описывали одежду.

Страшно было только в самый первый раз лет в десять. Когда нас отловили на чердаке девятиэтажки с полиэтиленовыми мешками и клеем «Момент»...

Сейчас я уже не помню, кто первый и когда предложил посмотреть мультяшки. Но это действительно было здорово. Немного клея в пакет, помахать, чтобы он надулся и запах перемешался с воздухом. Нырк внутрь — в иную реальность.

Это повторялось почти ежедневно, пока нас не стало на одного меньше. Полиэтилен должен быть прозрачным, чтобы можно было видеть глаза. Когда приятель начнет глубоко засыпать, закрывая веки — успеть сдернуть мешок с головы.

Почему Длинный этого не сделал, когда Жаба закрыл глаза и повалился на бок, я не знаю. В этот момент в моем сознании уже радостно скакали радужные человечки, сталкивались, превращаясь в причудливых веселых монстров, а затем куда-то бежали, зовя меня за собой. Я летел за ними, отталкиваясь от воздуха, не чувствуя под собой опоры. Не задумываясь о том, куда они меня увлекают. И только где-то глубоко внизу разверзалась черной пропастью осевшая в памяти реальность существования, которая страшила возвращением на деревянные неотесанные лежанки чердака, необходимостью идти в школу, получать подзатыльники от родителей и учителей за невыполненное домашнее задание.

Сон прошел, и я услышал тянущийся, словно разматываемая нить, изредка прерывающийся звук, похожий на писк комара — это плакал Длинный. Всхлипывая, сидел на прожженном старом полосатом матрасе и тихо протяжно скулил, как-то тоненько, иногда замирая, словно переходя на неулавливаемую ухом частоту. Периодически поднимал вверх лицо и глядел в маленькое чердачное окно, словно ожидая появления оттуда своего ангела-хранителя.

Из его носа гусеницами ползли вниз зеленые сопли. Они останавливались над верхней губой, сильно вздернутой вверх, где смешивались с текущими из глаз слезами. Размазывались рукавом по щекам и, высыхая, становились похожими на торчащие в стороны и вверх смешные усы кота Базилио из детской сказки.

Длинный рассказывал, что его шрамы — это результат драк с соседскими подростками. Но я-то

слышал от его бабки, что он родился с приросшей к носу губой, отчего ее потом разрезали. И поскольку я никому не рассказывал эту историю, Длинный всегда меня защищал. Хотя не только меня. Он хотел быть похожим на справедливого шерифа из американского боевика. Был на пару лет старше нас и выше на целую голову.

Позже он рассказывал, что там, на чердаке, глядя на свет, идущий с неба, молился, чтобы все изменилось, время вернулось обратно. В обмен обещая все, что у него было....

Наверно, его богатство никого не прельстило. А может, никто его не услышал или он говорил это не теми словами.

Наверно, теперь Длинный знает нужные слова. Он не хотел воевать как Потап и вместо армии ушел в Черменецкий монастырь....

Потап еще сидел с мешком на голове, ничего не замечая. Его веки периодически приподнимались, открывая белки глаз с закатившимися зрачками. Через прозрачный целлофан его лицо казалось неестественно надутым, заполнившим все пространство пакета с торчащими в стороны углами ушей, которые еще не успели расправиться, и требовалось подкачать немного воздуха.

Он что-то бормотал, изредка радостно вскрикивая и дергая правой рукой, словно хотел кого-то схватить, но это ему не удавалось. Иногда он приоткрывал свои губы и резко плевался сквозь зубы, с шипением и пузырями выбрасывая воздух, похоже на изображаемую стрельбу. Тогда его лицо становилось напряженным, перекашивалось нервной гримасой. Из нас всех только он не

видел во сне веселых человечков. Придя в себя, он говорил, что ему чудилась война с чудищами.

Через десять лет она уже не будет ему снится. Она будет вокруг него. Потапов Серега будет воевать в Чечне и там погибнет. Он даже не успеет ничего нам о ней рассказать. И мы не узнаем что это такое в реальности.

Похоронку принес военком пятнадцать лет назад, а кажется как вчера. Стояла обычная питерская осень. Серые облака, серые дома, серые лица. В маленьком сером пазике, автобусе с траурными военными номерами на черном фоне, нас, его одноклассников, было трое. Остальные места были заняты родственниками: женщинами в плащах и черных платках, мужчинами в истертых, оттянутых книзу, кожаных куртках с множеством карманов. Впереди расплескивая грязь в стороны, ехал военный уазик, предоставленный военкоматом. Идущие на кладбище граждане шарахались в стороны, боясь быть обрызганными, с испугу крестились.

Тогда я впервые увидел, как провожают героев. Как майор зачитывает приказ, а потом пятеро солдат по команде салютуют из калашей в воздух.

На звуки выстрелов стоящие у других могил люди едва повернули головы, и я совершенно не почувствовал той торжественности, о которой говорил офицер, и того героизма, который проявил наш друг.

Я пытался представить, как Серега бросается грудью на амбразуру или, обвязавшись связкой гранат, ложится под вражеский танк. Это я видел когда-то в кино. Но никак не мог осмыслить, за

что же все-таки он там воевал, если эта единая наша страна где на всех танках и дотах красуются пятиконечные звезды.

Уазик с военными уехал, предоставив родственникам прощаться. И казалось, что я с Длинным и Шмелем здесь совсем не при чем, забрели сюда случайно. Гроб был совсем не цинковый как говорили в военкомате, а походил на обыкновенный ящик для упаковки крупногабаритных грузов. Просто его не открывали. И мы не знали, был ли там внутри Потап или нет. Он словно опять прятался от нас в полиэтиленовый мешок, теперь уже из дерева, и продолжал смотреть там свои мультики, отгородившись от равнодушного безликого мира. Этот мешок уже никто не сможет сдернуть с него.

Потап писал, что служит на юге, где очень сухо и всегда хочется пить. Теперь Родина щедро вернула ему недостающую влагу. Гроб опускали почти в воду. Дождевые ручейки, размывая стенки могилы, устремлялись вниз, пытаясь наполнить любое углубление когда-то необходимой Потапу водой.

Видел ли Серега в глюках свое будущее, я не знаю. Он не рассказывал об этом. Но из всех нас только он один не смеялся под действием клея, а жутко гримасничал и выдавливал слюну сквозь зубы. Иногда нам казалось, что он передразнивает нас, притворяясь. Пользуясь прозрачностью своего фирменного пакета, открыто издевается над нашим развлечением. Только ждет случая, чтобы рассмеяться нам в лицо.

Когда гроб опускали в могилу, одна из строп соскочила, зацепившись за угол крышки, и в

качнувшемся саркофаге что-то подозрительно чмокнуло. Словно там внутри вновь прозвучал Серегин плевок. Уже последний. Неизвестно в чей адрес. Эту тайну он унес с собой.

Шмеля уже не было рядом с нами на чердаке. Как потом выяснилось, он убежал за врачами и, поскольку, выскочив из парадной, уперся в здание отдела милиции, то был тут же схвачен стоящими на крыльце милиционерами, у которых и попросил вызвать врачей. Те вызвали скорую, но и сами полезли к нам в гости.

Если сказать точнее, то чердак этот был не наш. Его присмотрели местные бомжи и затащили с помойки наверх всякую утварь, которая могла пригодиться для проживания.

Эта девятиэтажка была кооперативным домом, выглядевшим очень презентабельно. Сложена из красного кирпича. Поэтому ее не требовалось облицовывать штукатуркой, скрывая строительные дефекты. Никому в голову не могло придти, что на чердаке обосновался целый бездомный коллектив.

Делить с бездомными нам было нечего. Мы приходили сюда днем. Вечером бомжи нас выгоняли. Сначала они ругались, улавливая в воздухе запах ацетона. Читали лекции, что токсикомания до добра не доведет.

Среди них была даже какая-то бывшая учительница и профессор, которые в этом разбирались. Нам было смешно слушать нравоучения от грязных нечесаных ободранных бродяг, воняющих помойкой сильнее и противней, чем наши задавленные и разбитые камнем тюбики с клеем.

И мы откровенно смеялись им в лицо, потешаясь над благозвучной хорошо поставленной речью, которая, как нам тогда казалось, звучала, словно из загробного мира. Отдавала падалью растерзанного интеллекта, брошенного здесь за ненадобностью.

Шмель, точнее Сашка Шмелев, быть может, в тот момент уже видел себя милиционером или Павликом Морозовым, которого нам ставили в пример на школьном уроке. Когда вел за собой целый отряд блохитителей порядка пробирающихся в наше убежище. Жаба к тому времени уже совсем побелел, и его лицо слилось с прозрачностью мешка, слегка запотевшего внутри и теперь конденсирующего на себе оставшуюся влагу последнего дыхания.

Он был похож на маленького спящего космонавта, ожидающего прилета на далекую планету, где его разбудят и дадут задание. Разбудить его так и не смогли.

Мне иногда кажется, что те, кто правит страной, попробовав в детстве, продолжают вдыхать пары ацетона или какого другого газа. Кайфуют, глядя многосерийные цветные мультики в построенном под себя мире, не ведая, что творится вокруг них в реальности. В своем сознании они наверно уже умерли, как космонавт — Жаба.

Устраивают красочные праздники, салюты, дуют что есть мочи в фанфары. Чем громче праздник, тем легче заглушить стоящий вокруг орнитеты и безнадежности.

Играют в свою «Монополию», распоряжаясь судьбами миллионов сограждан. Хотя какие они сограждане, если здесь только физически нахо-

дятся до поры их тела. А сами живут в мечтах на теплом океанском побережье, куда уже отправили детишек и родителей. Что они празднуют? Свое обогащение? Кто сможет снять надетый ими полиэтиленовый мешок? Не будет ли поздно?

Отец Жабы работал дипломатом и постоянно с матерью находился за границей. Воспитывала его бабушка. Мы и не догадывались, что дома у него была куча заморских шмоток, поскольку он всегда одевался как мы. Изредка видя его разодетым в сопровождении приехавших погостить родителей, мы думали, что он бережет и скрывает заграничные подарки от нас. За что звали его Жабой.

После похорон бабушка вынесла из дома за ненадобностью его вещи и раздала ребятишкам. Их оказалась целая гора. В фирменных полиэтиленовых пакетах, с иностранными этикетками: футболки, джинсы, рубашки, кепки...

Со слезами на глазах она сказала, что ему они больше не пригодятся. Что он очень смущался и всегда старался походить на нас, отказываясь надевать красивые импортные вещи. Соглашался только изредка по требованию родителей.

Мы не смущались. На следующий день уже щеголяли по двору в кожаных куртках, рубахах и брюках «Левис». Кому что подошло. Радости хватило на неделю...

Мой восторг и неопишуемое счастье от случайно свалившегося богатства начал улетучиваться, стоило мне посмотреть на кожанку Длинного. Она была ему немного коротковата в рукавах, и от этого он постоянно держал руки в задних карманах брюк, выпячивая вперед свою хилую грудь.

И мне казалось, что это Жаба, закрывая от ветра, дружески обнимает Длинного, своей упругой почерневшей кожей. Я чувствовал, как Жаба прижимается ко мне грубой джинсовой рубашкой с холодящими клепками вместо пуговиц. Трется о мое тело, стараясь передать какие-то мысли, навевая тоску и грусть. Постоянно расшнуровывает нам кроссовки «Адидас», чтобы мы наклонялись, вспоминая и думая о нем.

То же самое, как видно, ощущали Длинный со Шмелем.

От невыносимости ощущений постоянного присутствия среди нас Жабы мы не могли избавиться никак. Собрали все его вещи и продали на Калининском рынке перекупщикам. Деньги пропили с бомжами на чердаке — поминая Жабу. Не потому, что мы хотели о нем забыть. Просто нам казалось, что он постоянно зовет нас за собой, вплетая мысли о себе в наши наацетоненные мозги.

Профессор сочувственно гладил меня по голове и наливал вино в мой стакан:

— Это бывает, сынок..., — говорил он, нараспев, — надо беречь друг друга и заботиться о ближнем своем. Тогда и тебя кто-то утешит. Настоящих негодяев и мерзавцев на самом деле не так уж много. Их сущность заключается в том, что все низкие и омерзительные поступки, которые они совершают, для них вполне естественны. Они ими живут и не понимают, что это неправильно. Да и не могут понять, поскольку смысл их жизни в греховности: обогащении, разврате, лжи и других пороках. Как правило,

они успешны, а иначе и быть не может — ведь они живут в согласии с собой.

Беда в том, что их достижения, сродни популярности, привлекают внимание людей нестойких, слабых в своей вере, не ведающих своего пути и предназначения, которые восторгаются, думая, что мир перевернулся и теперь надо жить по образу и подобию тех, кого совсем недавно клеймили позором. А нравственность в это время подставляет другую щеку, удовлетворяя собственные амбиции, проповедуя смирение....

Мне казалось, что он бредит, этот жалкий профессор, не нашедший себя в новой жизни. Он был мне противен, этот взлохмаченный, похожий на Эйнштейна близорукий историк, постоянно щурящий на свету слезящиеся глаза. Но я пересиливал себя, чувствуя, что совершаю этим подвиг, изо всех сил сдерживая нервную зевоту и желание сбросить его руку, касающуюся моих волос. Я думал, что тем самым утешаю его, спасая от безысходности.

Сейчас я уже не могу припомнить настоящее имя Жабы...

Шмелев с тех пор словно прирос к этому отделу милиции, откуда пришла помощь. Инспектор по делам несовершеннолетних Марья Ивановна ласково называла его Шмелек, но, несмотря на это, он рассказывал ей только про соседских пацанов, чем со смехом позже делился и с нами.

Сейчас он работает в этом здании старшим оперуполномоченным уголовного розыска. Ему это нравится. Мы часто встречаемся и делаем с ним деньги — он так это называет. И раз уж я сегодня здесь затормозился, то, конечно, зайду к нему.

...Машину заносило хлопьями снега, но внутри было жарко. Я включил аварийку, дабы не случилось ДТП, и желтые лампочки дружно замигали с четырех сторон, огораживая меня от дорожного движения. Я был совсем недалеко от своего дома на Новочеркасском проспекте, и можно было даже сходить пешком домой, если бы машина сломалась. Но двигатель был исправен, а повреждения на правом борту почти незаметны. Дома меня никто не ждет.

Старухи — соседки по коммуналке чувствуют себя вольготно. Они думают, что все их несчастья именно от меня и закрываются в своей комнате, как только я открываю дверь в квартиру. Мне надоело выбрасывать их хлебные запасы на помойку, убирать за ними квартиру. Покупать туалетную бумагу на всех. Сколько раз в день они ходят в туалет, что рулона не хватает на неделю?

Не знают ни дня, ни ночи, шляются по улице, когда хотят. Наверно уже проснулись и в очередной раз поедают мою кашу. Прокрались ко мне в комнату и беззубым ртом сосут конфеты, оставленные в вазе. Разбрасывают фантики по квартире.

Быть может, и сосед Кузьма пожаловал, помогает им уплетать наваристую гречку или пшенку с маслом. Не помню, что я в этот раз сварил. За комнату не платит, а баб водит на посиделки.

...Можно было уехать без проблем, как это сделал толстяк, но я вызвал из подсознания свою гражданскую совесть. А может, совсем и не оттуда. Скорее это даже и не совесть вовсе. Кто теперь знает, что это такое? Раньше об этом читали

в школе, черпая из романов Толстого и Достоевского. Теперь все живут в фэнтези. Летают на звездолетах, трансформируются в роботов, дружат с вампирами, сосущими кровь у соседей по коммуналке.

Наверно своим бабушкам по месту жительства я представляюсь таким же вампиром, высасывающим из них жизнь, когда громко включаю музыку или приглашаю к себе подруг.

До сих пор они не догадываются, что я старым пультом от своего телевизора регулирую их жизнь. Думают, что это барабашки переключают им программы и уменьшают громкость. Лет пять назад я обратил внимание, что он подходит к их телику. Свой ящик я уже давно отдал и теперь пытаюсь вызвать отвращение к телевидению у моих старух. Но они почти слепы, и, думаю, вряд ли чего там видят, ориентируются только по звуку, который включен практически постоянно и вещает им очередные новости.

Они счастливы, что нет войны и живут в самой демократичной стране. Что с каждым годом улучшается их благосостояние. Что правительство и президент делают все, чтобы они жили лучше. Им обещают отдельную квартиру и поэтому они продолжают ждать и жить. Слушают о чудодейственных лекарствах и удивляются, почему об этом не знают в аптеках.

Они любят главу администрации, который каждый год поздравляет их с Днем победы. Хранят его открытки в отдельной коробочке. Раньше частенько вынимали их и просили меня прочитать.

Я читал самозабвенно с выражением, поднимая их самооценку. Но потом мне надоела эта

штамповка, и я стал сочинять им собственные поздравления, подменяя реальный текст экспромтом. Рассказывал им о скором наступлении коммунизма, об отмене денег и бесплатном обеспечении, выделении им двухкомнатной квартиры в новом доме и закреплении за ними такси с водителем, бесплатных путевок на Средиземное море и жаркие страны...

Первое время им это нравилось. Они хлопали в ладоши и обнимались. Спрашивая:

— Ну, когда же, когда? Там не указано?

И я с достоинством отвечал:

— Скоро!

Года шли, а они все ждали. Наверно я тоже приложил руку к продлению их жизни.

Со временем они заподозрили в моих сказках неладное и больше читать не просили.

Я через дверь переключаю им телевизор на музыкальную программу, и слышу, как они начинают ругать невидимое существо, упорно желая слушать про то, как им хорошо живется, как о них заботится государство и сам президент...

Друзей у меня нет. Я не знаю почему. Иногда мне кажется, что они существуют только в рассказах или художественных фильмах.

Когда я учился в школе, казалось, что друзей вокруг полно, стоит только захотеть дружить. А когда всего так много, ждешь чего-то особенного. Как в книгах. Он за тебя в огонь и в воду. И ты готов положить за него жизнь.

Но время шло, и мы продолжали скопом пить на переменке пиво, издеваться над учителями, мазать мелом или клеем их стулья. Именно эта круговая порука спланивала нас. В этом чувствовался

незнакомый риск, когда от каждого зависит сохранность общей тайны, пусть даже гадкой.

И казалось, что именно об этом поет Высоцкий «Если друг оказался вдруг...». Мы пели эту песню под гитару, сидя на лавочке во дворе школы. Глядя, как в окне на первом этаже, беснуется наша классная руководительница Лилия Петровна, не найдя своих учеников в аудитории после звонка.

Смеясь, показывали на нее пальцем, когда она плакала, сидя за своим учительским столом положив голову на ладони, прижимающие стопку контрольных тетрадей с нашими каракулями переписанных друг у друга ответов.

Совершенно не предполагали, что вот это и есть тот далекий друг, страхующий нас. Из последних сил держащий спасительную веревку, на которой мы, смеясь, болтались над разверзнутой внизу пропастью.

Казалось, наше геройство со временем перейдет в нечто иное, более глубокое и близкое соединит нас, сроднит. А слово «подонки» звучащее в наш адрес тогда казалось совершенно неуместным. Теперь мне так не кажется. Наверно это слово достало меня именно оттуда со школы и перешло со мной в интернат, куда я попал в десятом классе после смерти матери...

— Подонки! Подонки! — кричала заведующая Роза Иосифовна, маша, как саблей, по сторонам длинной деревянной линейкой с металлическим наконечником. Попадая нам по спинам и головам ее острыми ребрами. Когда мы, закоротив свет брошенным на уличные провода куском железной проволоки, всей ватагой пацанов проникали в девичьи спальни на другом конце коридора.

Раскинув руки в стороны, чтобы не столкнуться в конкурентной борьбе, окутанные крошечной темнотой, руководствуясь только зрительной памятью и природным чутьем, рассредотачивались по палатам. И каждый с разбегу кидался на выбранную впотьмах койку, где под бьющимся одеялом было готово к слабому сопротивлению нестерпимо манящее, незнакомое, пахнущее чем-то необычно свежим, весенним, рождающее в нас эротические фантазии, созревающее женское тело.

Проникали руками под нагретую материю, пугаясь в складках просторных сатиновых ночнушек, в надежде почувствовать нежность горячей девичьей кожи. Усиленно вдыхали волшебный невесомо-цветочный аромат пропитавший подушку. Падали лицом в расплесканный по ней лен шелковистых волос, осязая их чудодейственную непохожесть, таившуюся в них капризную притягательность неведомого ранее чувства.

Окунались в девичий визг, восторженный и призывный. Влекущий нас с каждым разом все дальше к неведомым тайнам.

Таинственный шепот и ощущение тонких девичьих рук, внезапно неожиданно крепко прижимающих к еще не сформировавшейся женской груди, нежной шее острому подбородку и пухлым влажным губам, скрывающим под вскриком возмущения томящийся в глубине груди готовый вырваться стон желания.

Маленькие ладошки в порыве целомудрия, отталкивающие от себя, через мгновение уже снова цепляли пальчиками жилистое мальчишеское тело. Прижимали к себе, стараясь глубже вдох-

нуть, перебиваемый потом возбуждения только начинающийся табачный запах.

Свет восстанавливали, и воспитатели находили нарушителей по кровавым ранам на лицах, шее и других частях тела. Как следы расплаты за полученные минуты феерического удовольствия.

Проводили поверку и выставляли из строя раненых. Им просто не повезло. Где ж там, в темноте можно разглядеть свистящий над головами карающий меч заведующей. И они стояли пристыженные под саркастическими ухмылками своих приятелей, которые по счастливой случайности избежали отметин.

Но больше всего было обидно стоять перед девочками, которые с продолжающимся душевным волнением, умело скрываемым под надменным хихиканьем, пытались угадать своего нападавшего. Сравнивали цвет волос, клочок которых они успевали вырвать, или увидеть повреждения одежды, которую смогли слегка надорвать. Зрительно прикладывали к рубашкам оторванные на поле брани пуговицы, хранимые и показываемые в тайне подругам как талисман своей желанности.

Кто был мне друг тогда? Протянувший первый косяк конопли Марат? Или Степан Давыдов, что на занятиях сидя рядом со мной, постоянно стругал на бумажку зеленый кусок плана? Это казалось геройством! Пару раз, обкуренные в хлам, мы стояли с ним спина к спине во время драки с домашними сынками из параллельных классов. Он уже тогда был мастером спорта по дзюдо.

Наверно, ему просто не повезло в жизни. Он занимался борьбой в Турбостроителе на Сверд-

ловской набережной. Желтое небольшое двухэтажное здание одиноко стояло через дорогу от Ленинградского металлического завода.

Борцовский зал был на втором этаже, а я занимался боксом на первом. Мы ходили туда в одинаковое время пару раз в неделю и, уклоняясь от ударов на ринге, я слышал, как наверху с грохотом кидают на маты очередного неудачника. Так смачно, что у нас с потолка сыпалась штукатурка.

Теперь я знаю, что в это же время там продолжал заниматься борьбой будущий президент страны. Быть может, тогда из его головы вытрясли детские стишки, заученные в яслях «Что такое хорошо и что такое плохо».

Знать бы раньше, конечно, я пошел в дзюдо и стоял с ним в спарринге и даже поддавался на соревнованиях, чтобы спустя пятнадцать-двадцать лет отдыхать на его океанской яхте или в загородной резиденции Сочи...

А может быть, я женился на его дочке и тогда уехал в Лондон писать воспоминания о стране, где меня родили не спросив.

Но кто же мог все предвидеть? И после тренировок мы шли со Степаном в ресторан «Невские берега», расположенный неподалеку на той же набережной, за которую, говорят, архитекторы получили Ленинскую премию. Шли не любоваться ее красотами, а зарабатывать деньги. Мы стояли на воротах ресторана вместе с более взрослыми ребятами, регулируя очередь. Пропускали кого нужно. Выгоняли тех, кто уже свое принял.

Директор ресторана Юрчик, так все его называли, со своей женой Татьяной, были к нам очень добры. Они всегда могли накормить нас бутерб-

родами с икрой за счет заведения. Мы были готовы помогать им круглосуточно. Делали все, что скажут: стояли в гардеробе, воспитывали официантов, выносили пьяных. Помогали таскать аппаратуру «Машине времени» и «Зеленым муравьям».

Юрчика с Таней любили все. Даже потом, когда у них появилась сеть шикарных ресторанов, сто сороковой мерседес и симпатичный телохранитель, который через несколько лет застрелит их обоих в Репино, позарившись на богатую дочь-наследницу, и сядет в тюрьму на много лет.

Ресторан курировал отдел милиции, где работал известный всем подросткам Сильвер. Так его прозвали потому, что фамилия была очень схожей с именем одноногого пирата из романа Стивенсона, известного своим коварством, вероломством и подлостью. Единственное отличие у них было в количестве ног.

Однажды меня с Давыдовым привезли к нему в кабинет, где он стал пытаться делать из нас грабителей. Заставлял признаться в том, что мы никогда не совершали. Всею виной была финская шапочка, которую я оставил себе после выноса из ресторана одного иностранца.

Я сидел за столом перед листком бумаги и ручкой, а Сильвер рассказывал мне, что я должен писать. Периодически он заходил сзади и пальцами бил меня снизу, то по одному, то по другому уху, так что потом в голове пять минут звенело.

В четырнадцать лет удар у меня уже был поставлен, а нос у «пирата» оказался слабым. За что я получил год условно и в армию не пошел. Мог неоднократно поступать в институт.

Степан тоже ему ничего не сказал, он вообще был молчун по натуре. А через несколько лет я не пришел на его похороны. Он умер от передозировки. Наверно, он был моим настоящим другом, а я не понял — жил на казарменном положении в мореходке, а затем пару лет драил палубу, стирал чужое белье и протирал пыль на речном пароме, возвращаясь через каждые три месяца домой. В перерывах между вахтами читал книги.

Рассказывал приятелям о Черном море, вспоминая отъевшиеся жирные физиономии иностранцев и русских нуворишей. Пока не съездил по одной из них шваброй и был благополучно списан на берег без зарплаты. Пришлось сдавать на права и крутить баранку...

С девчонками мне проще. Мы распиваем спиртное, покуриваем травку, и бабки-соседки неслышно растворяются в своей комнате.

Почти слепые, что они могут делать в окружающем их размытом полумраке? Тоже мечтают или фантазируют? А может, вспоминают свое боевое прошлое? Ведь воспоминание — это те же фантазии, только прошедшие и поэтому более не осуществимые. Значит, бабушки тоже живут не здесь. Где-то в глубине души им противно наступившее будущее, за которое они боролись и в которое втащили нас. Но они продолжают не верить своим чувствам, слушая иностранный ящик, вещающий для них на родном языке.

Великие фантазеры великой страны. Чем они отличаются от моих ровесников, которые живут в фэнтези, где не нужна ни порядочность, ни добродетель, ни совесть!

Зачем нужна совесть, если ты постоянно здесь отсутствуешь? Вернее, присутствуешь в других мирах, воюешь в чужих галактиках, защищая призрачное счастье выдуманных дроидов, ситхов и джедаев. Что еще? Неужели тебе больше некого защитить здесь на твоей земле? Или вокруг тебя все так хорошо, что ты можешь позволить себе летать в другие миры?

Наверно, это потому, что здесь, в своем городе ты никто. А зачем тебе совесть, если ты никто? И дружишь с такими же «никто», и любовью занимаешься с женщиной по имени «никто», а может, и мужчиной.

Но должен же быть хотя бы в чем-то порядок, реальный, от которого можно оттолкнуться и попытаться жить дальше, ощущая себя не бесформенной цитоплазмой, а человеком, пусть даже подонком, но реально существующим.

...И я продолжаю настойчиво ждать милицию как олицетворение государственной власти в этой стране, где больше половины населения существуют в собственных и чужих фантазиях.

Вовсе не потому, что я такой законопослушный. Мне хочется почувствовать, что я могу хоть на что-то влиять на своей Родине. Могу принять решение, пусть даже оно касается только меня и того увальня в норковой шубе.

ГЛАВА 3. В реале

...Слушая музыку и чувствуя потоки тепла, идущие от автомобильной печки, я представил, как толстяк уже сидит в каком-нибудь ресторане и рассказывает своим друзьям о сущем пустяке, который встретился ему на пути к их дружеской беседе. Обзовет меня. Но не как раньше. Не грубо. Ведь грубость это признак слабости. А ему не хочется выглядеть слабым перед своими товарищами.

Меня нет среди них, и я не смогу ему напомнить о той молоденькой девушке на обледеневшем пешеходном переходе, которую он, сигналив, подгонял с проезжей части. А она никак не могла затолкать свою коляску на ледяной тротуар. Изо всех сил упиралась в нее руками, скользя каблучками сапог по накатанному снегу. И как из полиэтиленового пакета, лежащего в металлической сетке, закрепленной на осях колес, выскочила половинка черного хлеба, словно саночки, заскользила вниз по склону обратно под колеса начинающих движение машин.

А он все сигналил, не трогаясь с места и чувствуя себя благородным джентльменом. Сдерживая натиск ревущих под его капотом лошадиных сил, пока девушка подбирала свой хлеб из-под его немецкого монстра и благодарила, кивая головой.

Теперь он думает, что наш конфликт исчерпан, закрыт навсегда господином Франклином, вместе с которым привык решать подобные задачи. Не учитывая загадочность русской души, о которой ему твердили преподаватели на школь-

ном уроке литературы, изучая классические произведения. Откровенно удивится, узнав, что его машина находится в розыске, а ему грозит арест на несколько суток....

Эта зима выдалась не на шутку снежной и холодной.

Питерские сезоны всегда очень убедительны. Если за окном дождь, то кажется, что это будет всегда. А если стоит мороз, складывается впечатление, что зима никогда не кончится...

Улицы практически не убираются. Бедолаги-прохожие, как альпинисты, карабкаются вдоль снежных гор, громоздящихся на тротуарах, рискуя сорваться прямо под колеса рысущих в заносах автомашин, обрести известность в прессе и статистике, регулярно выдаваемой администрацией Санкт-Петербурга.

Подобно канатоходцам, люди идут по вытянутой в снегу нитке следов героя-первопроходца. Крыльями вскидывают руки в надежде обрести равновесие, сбиваемое порывом ветра. Частенько падают пятой точкой на снег, уплотняя под свой размер, оставляя после себя отметину — округлую вмятину.

Жалко людей, идущих по проторенной транспортом колее. Обычно еду за ними не торопясь и не сигналию. Не хочу пугать жутким ревом своего клаксона. Вдруг у человека слабое сердце и его душа, удерживаемая тонкой нитью, ждет моего сигнала, чтобы оторваться и улететь в облака. Упадет такой под колеса — доказывай потом, что я его не сбил.

Сообщения прессы как сводки с фронтов: двухлетнего ребенка затянуло с санками под грузовик,

дедушке упала на голову сосулька, водители не поделили место парковки — один застрелен.

Особенно жалко молодых мам с колясками. У них нет другой дороги. На тротуарах горы снега, и они идут в колее, как равноправные участники дорожного движения. Словно маленькие буксиры, скрываясь в ложбине между белых нависших валов, толкают впереди себя бесценный груз. Медленно, не оглядываясь, чтобы не испугаться, не увидеть взгляды разъяренных водил и не прочитать по губам их ругань. Спешат в поликлинику или в магазин за продуктами, мечтая приготовить семейный ужин.

Как хорошо, что меня не надо волочь в детский сад или гнать пинками в школу. Я делаю то, что хочу, и реально понимаю, что получил все это в обмен.

Мы все получаем в обмен на что-то. Переходя в пятый класс, я понял, что у меня нет отца. Оканчивая школу, потерял мать. Бывало, я и раньше думал о том, что будет, если она умрет.

Я останусь хозяином в нашей небольшой комнате. Тогда для меня одного она будет казаться в пору потому, что придется избавиться от старого трельяжа, кучи платьев и пальто. Исчезнут горы коробок со старой, хранящейся на всякий случай, обувью, которые вечно вываливаются из приоткрытой створки дубового шифоньера...

Но вот ее не стало, и оказалось, что всего этого барахла не так уж и много. И теснота в квартире была не от вещей, а от материнской заботы, которой она старалась меня окружить, что сквозила во всем. А мне казалось, что здесь было просто душно.

**Конец ознакомительного фрагмента.
Полную версию книги можно купить
на сайте издательства
www.skifiabook.ru**

Гера Фотич

Поденок

Дизайн обложки
Оригинал-макет
Корректор
Редактор

Ю. Зверлин
П. Домбровский
И. Бойнова
И. Знашев

Издательско-Торговый Дом «Скифия»
190000, Санкт-Петербург, ул. Гороховая, 25
(812) 571-68-54
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.Piterbooks.ru

Книги: от рукописи до тиража
Изготовление и распространение.
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.Skifiabook.ru

Подписано в печать 14.03.11
Формат 84x108¹/₃₂. Объем 13,4 усл. печ. л.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № .

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2